

Глеб Шульпяков

БАТЮШКОВ НЕ БОЛЕН

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3 (2Рос=Рус)6
Ш95

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

В оформлении книги использованы изображения из собраний Всероссийского музея А.С. Пушкина, Государственного Исторического музея, Государственного литературного музея, Государственной Третьяковской галереи, Музея-панорамы “Бородинская битва”, Научно-исследовательского музея при РАН, Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, Русского музея

Вступительная статья и общая редакция АННЫ СЕРГЕЕВОЙ-КЛЯТИС

Шульпяков, Глеб Юрьевич.

Ш95 Батюшков не болен / Глеб Шульпяков; под общ. ред. А.Ю. СЕРГЕЕВОЙ-КЛЯТИС. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2024. — 637, [3] с., ил. — (Литературные биографии).

ISBN 978-5-17-158135-0

Книга “Батюшков не болен” — художественное исследование судьбы и творчества Константина Николаевича Батюшкова (1787–1855), одного из самых неразгаданных и парадоксальных классиков золотого века русской поэзии. Душевная болезнь рано настигла его, однако наследие оказалось настолько глубоким, что продолжает гипнотизировать читателей. Каждое поколение снова и снова “разгадывает” Батюшкова, и эта книга — еще одна попытка понять его.

Писатель Глеб Шульпяков с любовью воссоздаёт обстоятельства личного, литературного и светского быта, в которых отпечатывается бытие поэта. На страницах книги оживают его друзья и близкие, любимые поэты и художники, а также литературные интриги и скандалы того времени. Вместе с Батюшковым читатель путешествует по Германии, Франции, Англии и Италии, проживает исторические события 1812 года, Битвы народов и взятия Парижа, свидетелем и участником которых был поэт.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3 (2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-158135-0

- © Шульпяков Г.Ю.
- © Сергеева-Клятис А.Ю., вступительная статья
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление
- © ООО “Издательство АСТ”

Содержание

“Певец, достойный лучшей доли”. <i>Анна Сергеева-Клятис</i>	9
---	---

ЧАСТЬ I

Из дневника доктора Антона Дитриха. 1828	21
Братья	23
Отцы и дети	32
Матери, сёстры, жёны	41
Лучшее время	51
Первая война	85
Под знаменем Беллоны	94
Под знаменем любви	100
Возвращение	105
Воспоминание	114
“В своей тарелке”	118
В ореховой скорлупе	125
Ахилл Батюшков	132

ЧАСТЬ II

Из дневника доктора Антона Дитриха. 1828	143
Облюбование Москвы	146

В Тверь, в Тверь, в Тверь	156
Дело Бибриса	165
“Разные замечания”	179
Батюшков не празден	184

ЧАСТЬ III

Из дневника доктора Антона Дитриха. Лето 1828	203
Завтра война	205
Голос	227

ЧАСТЬ IV

Из дневника доктора Антона Дитриха. Лето 1828	235
Хранитель древностей	238
1812. Молодые люди	248
“Мой друг, я видел море зла...”	272
Битва народов: Expedition zum Grab	281
Две войны генерала Раевского	296
Улисс	307
Эффект барабана	319

ЧАСТЬ V

Из дневника доктора Антона Дитриха. 1828	335
Тень друга	338
Павловск	360
Приютино	368
Москва	381
Петербург	397
Мечта	411

ЧАСТЬ VI

Из дневника доктора Антона Дитриха. 1828	433
От галиматъи галиматъя	437
Басманный философ	458
Дедал	473
Нечто о поэзии и религии: первое и последнее отступление	492
Эра милосердия	498
Одесса: воспоминание о будущем	514

ЧАСТЬ VII

Из дневника доктора Антона Дитриха. 1828	539
Изобретение Рима	543
Золотой век	562
“Под небом сладостным Италии моей...”	570

ЧАСТЬ VIII

Из дневника доктора Антона Дитриха. 1828	593
Батюшков не болен	600
Эпилог	616
Избранная библиография	636

“Певец, достойный лучшей доли”

Константин Батюшков — загадочная фигура в русской литературе. Человек короткой творческой судьбы, который рано исчез в неизвестность даже для своих современников. Белинский, упомянувший Батюшкова в одной из своих статей, был уверен, что пишет о покойном поэте — и ошибался. Душевнобольной Батюшков в это время жил в Вологде, но для поэзии он, действительно, умер.

Батюшков — одна из самых значимых фигур на культурной сцене своего времени, и при этом стесняющийся своего дарования, неуверенный в себе, вечно колеблющийся между сознанием важности своего дела и ощущением его несерьёзности, необязательности. Инстинктивно нащупавший “виноградное мясо” поэтического языка, создавший “образ совершенства” русской поэзии, Батюшков был фактически заслонён своим ближайшим другом и соратником В.А. Жуковским, чьё имя известно каждому школьнику. Жуковскому удалось закрепиться в памяти потомков ещё и благодаря знаменитой надписи, которую “побеждённый учитель” посвятил своему “победившему ученику”, неважно, что “учитель” и “ученик” для участников этой истории были понятиями вполне условными. Да что и говорить, Жуковский — гениальный поэт! И тем не менее Батюшков оказал на Пушкина влияние более значительное, нежели Жуковский. А через него повлиял на весь строй русской лирики, создал её гармонический извод.

Однако имени Батюшкова не знает и не помнит сейчас почти никто.

Эта историческая несправедливость, связанная, конечно, с трагической судьбой Батюшкова, его ранним уходом в мрак безумия, уже более столетия тревожит сердца исследователей литературы. С конца XIX века и по сей день появилось около десятка книг разных авторов, посвящённых его творческому пути, его стихам и прозе. Перед нами — ещё одна книга, актуально современная, приближающая ту далёкую эпоху и дающая возможность пристально разглядеть с огромного исторического расстояния личность и судьбу поэта, услышать его мелодический язык. Удивительным и, возможно, не задуманным автором образом она оказалась очень в масть нашему времени, вызывающему невесёлые мысли не только о завтрашнем дне культуры, но и о природе человека и об ощущении катастрофичности происходящего вокруг нас, — о насильственной вырванности из привычного обихода, круга мыслей, надежд на будущее и планов на жизнь. Что должен был чувствовать человек, помещённый волею судеб в самую гущу жестокой и кровопролитной войны, разочаровавшийся в своей “маленькой философии”, дававшей ему силы для существования, потерявший твёрдую опору под ногами, то же чувствуем и мы, оказавшись перед вызовами современности.

Важно, что автор книги Глеб Шульпяков — поэт. Это обеспечивает особую оптику, позволяющую догадаться о непроговорённом, понять психологию другого поэта, внимательно вслушаться не только в слова, но и в мелодию его стиха. Про интерес автора к предмету его исследования было понятно уже давно. Глебу принадлежат два очень стилистически точных стихотворения о Батюшкове — оба они вмещают в себя цельный образ поэта. Первое, античное, с эпической интонацией, говорит об органической сопричастности его творчества мировой культуре. Это реализация в поэзии пушкинского упрека в адрес Батюшкова о “соединении обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковной деревни”. Для Пушкина этот эклектизм был неприемлем, у Батюшкова более чем органичен. За туманным окном своего затерянного в снегах хантанов-

ского дома он умел разглядеть купола Капитолия. И хотя счастья эта способность ему не обеспечивала, но давала возможность выжить.

В деревне полночь. Спят. Горит одно
окошко в целом доме, но оно
окно сестры. Она читает письма,
потом свеча, взмахнув тенями, гаснет.
*“Сорренто! колыбель печальных дней,
где я в ночи, как трепетный Асканий,
бежал, вручив себя волнам на милость...”*
Тем временем на небо взгромоздилась
зелёная, как яблоко, звезда —
всю ночь она качается на ветке,
но наш певец не зрит звезды в эфире,
поскольку спит, судьбу в слова вплетая,
и только вологодские коровы,
пригнув рога, бредут на Капитолий.

Второе, более позднее и более трагическое стихотворение о Батюшкове, если не ошибаюсь, автор написал уже в процессе работы над книгой. И создал иной образ — не деревенского жителя, воспаряющего в мечтах в золотой век, но выстрадавшего свою судьбу скитальца:

с анакреоновой песенкой весело
лишнюю тяжесть за борт,
чтобы таможня харона не взвесила
горестей груз и забот —
дух эолийский горагия флакка
вышний хранит волочёк
облако родины — веером флага
чёрная точка-зрачок

Надо отметить, что поэзию Глеба Шульпякова населяют многие персонажи русской поэзии, и невозможно было предсказать, что интерес к Батюшкову обернётся пьесой, статьями, публикацией архивных материалов — огромным исследованием, в котором есть и научная точность, и исследовательская основатель-

ность, и лично пережитый опыт. И, конечно, поэтическое осмысление личности и судьбы своего героя.

Завораживающе интересны те главы книги, в которых автор прикасается к батюшковской биографии, так сказать, физически, описывая свои поездки по местам, связанным с Лейпцигской битвой народов или годами лечения Батюшкова в Зонненштайне, одной из германских клиник для душевнобольных. Эти впечатления настолько сокращают историческую перспективу, что, кажется, рукой подать до 1813-го и уж тем более до 1828 года. Можно ходить по тем же камням, видеть те же пейзажи. Это ощущение, всегда очень сильное, в книге передано так, что оно может быть легко позаимствовано читателем, стать его собственным.

Перспектива, в конце которой стоит одинокая фигура Батюшкова, в книге всё время расширяется, включая не только события жизни поэта, но и литературный быт и большую историю. В повествование вводятся многочисленные персонажи, родственники и друзья героя, его наставники и благодетели, его сослуживцы, собратья по цеху, военачальники и вельможи, правители и деятели эпохи, мелькают разные страны, расстилается подробная географическая карта перемещений и странствий Батюшкова по России и Европе. Автор добивается многомерности центрального образа, создает ощущение живой жизни, даёт возможность почувствовать вкус времени.

Традиция, в которую Шульпяков встраивает свою книгу, понятна. Как писал Н.Я. Эйдельман о новорождённом С.И. Муравьёве-Апостоле, “мальчик едва взглянул на мир — и уж попал в омут календарей, религий, имён, мнений, которым вместе тесновато”. Это, конечно, тот же метод — тесноты биографического ряда, метод проверенный и очень плодотворный, требующий от автора огромной эрудиции и широты взгляда. И если ни один писатель не может создать из александровской эпохи “3D-модель”, то во всяком случае можно попытаться не оставлять Батюшкова в одиночестве его деревенского затворничества.

Одна из важных смысловых и эмоциональных доминант в книге — дневник Антона Дитриха, врача душевнобольного Батюшкова, который сопровождал его из Германии в Россию

и вёл подробные записи об этом путешествии (некоторые части дневника опубликованы здесь впервые). Страшные обличия безумия, которые довелось видеть и фиксировать врачу, предстают перед нами в натуральную величину, без прикрас, вторгаясь в рассказ о юности и молодости поэта, о поре расцвета его таланта, о его надеждах на будущее, которые — это уже понятно — никогда не осуществляются. Эта ось скрепляет воедино все этапы жизненного пути Батюшкова, начавшегося с безумия матери и закончившегося собственным безумием. А между всем этим — “лёгкая поэзия”, словесная игра, итальянское звучание, попытка изменить мир и собственную судьбу силой творчества. Действительность, пугавшая поэта своей хаотичностью, преобразовалась в его стихотворениях в прекрасный и понятный в своей простоте мир, раздвоенность и противоречивость его сознания оборачивались цельностью и ясностью созданных поэтическим воображением образов. Действие этого необъяснимого механизма в книге Шульпякова зафиксировано довольно точно.

По его собственным словам, он писал книгу, которую сам хотел бы прочитать, поэтому пытаться очертить ее читательскую аудиторию невозможно. Как кажется, она может быть очень широкой, потому что читать о Батюшкове можно по-разному. У Шульпякова получился увлекательный роман, он же историческая эпопея, он же биографическое исследование, он же развёрнутое эссе о литературе и её “кошачьих и лисьих следах”. Как говорится — на любой вкус. Могу только позавидовать будущему читателю этой своевременной книги, потому что мною она, увы, уже прочитана.

АННА СЕРГЕЕВА-КЛЯТИС

Памяти Эдуарда Бабаева

Чтобы судить вещь, а паче человека, должно его видеть со всех сторон, знать всё обстоятельно, и тогда только, подумавши, решиться. Но и тогда я бы боялся суд положить. Один Тот, который выше нас, нас и рассудит.

К. Н. Батюшков — Н. И. Гнедичу. *Июнь 1808*

Мне почти грустно и очень радостно было получить твоё письмо, мой добрый Тургешек. Ты прав: судьба издаёт нашу жизнь на каких-то летучих листах, какими-то отрывками. Дай Бог, чтобы со временем можно было свести концы с концами.

П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу. *Май 1818*

Серебряков. Утром поищи в библиотеке Батюшкова.
Кажется, он есть у нас.
А. П. Чехов. *Дядя Ваня*

ЧАСТЬ I

Из дневника доктора Антон Дитриха.

1828

16 ИЮНЯ. Утром, около 10 часов, отправился я за больным совместно с бароном Барклай де Толли. Карета должна была дожидаться нас у подошвы горы. На дороге мы повстречали доктора Клодца, который от имени доктора Пирнитца просил нас привезти карету обязательно к самым воротам дома ввиду сильного возбуждения у больного, боясь, что при спуске с горы мы легко можем натолкнуться на неприятные случаи. Простившись с Пирнитцем и его семьёй, мы отправились в комнату больного с тяжёлой обязанностью на плечах. Впереди шёл барон, за ним: я, доктор Вейгель, служитель Яков Маевский, назначенный нам сопутствовать, сиделка Тейергорн. Больной полулежал на софе, свесив одну ногу на пол. Барон подошёл к нему, обратившись к нему на французском языке. Больной ответил, что незнаком с ним и желал бы узнать, с кем имеет удовольствие говорить. Барон, назвав свой чин и фамилию, сообщил ему, что он должен отправляться на родину, прибавив, что карета уже у подъезда и вещи его уложены. “Слишком поздно, — ответил Батюшков по-французски, — я здесь уже четыре года! Конечно, я готов с удовольствием ехать!” Барон представил ему меня как его сопутника, и больной, после опроса меня, кто я такой, объявил мне, что не нуждается во враче. Русским лакеем остался доволен. Затем быстро вскочил и, бросив на пол только что взятую им летнюю фуражку, резко оттолкнул ба-

рона и меня в сторону и, пройдя между нами, бросился ниц перед распятием, нарисованным им самим на обоях углём. Все присутствующие были поражены и глубоко тронуты. Затем, поднявшись, сел на софу и, перепутав сапоги с туфлями, встал, взял фуражку и начал спускаться с лестницы впереди нас. Во всех его движениях и словах проглядывали раздражение и еле сдерживаемая злоба. Ни малейшего проявления радости, хотя исполнялось давнишнее его желание. У дверцы кареты стоял Шмидт, его больничный служитель, Батюшков спросил его, едет ли он также вместе с ним, перекрестил его и сел в карету, которая немедленно отъехала, так как всё делалось крайне поспешно! Высунув из экипажа руку, он делал такие движения назад, как будто хотел безвозвратно отстранить от себя прошлое, и всё время, пока мы выезжали из ворот, кричал: “Проклятие!” Обратившись ко мне, сказал: “Советую Вам молиться Богу”. Сам же он крестился без перерыва, не говоря при этом ни слова. Барон провожал нас на лошади в продолжение целого часа, затем, протянув мне руку, распростился с нами. Больной оставался покойным целый день, отвечая только на предлагаемые ему вопросы, притом кратко и совершенно серьёзно. К вечеру приехали мы в Теплиц; шёл сильный дождь. Я спросил его, как он хочет: остаться или же ехать дальше? “Это зависит от Вас, так как на этот счёт не имею никаких фантазий” — был его ответ. Мы остались; он, как казалось, сильно истомлённый, улёгся на диван. От еды отказался, хотя за обедом съел только небольшой кусок чёрного хлеба; просил вина для мытья головы, которая у него болела. Ночью несколько раз вставал и, высунувшись из окна, молился Богу*.

* Здесь и далее дневник доктора Дитриха приводится по рукописи русского перевода, хранящейся в Отделе рукописей РНБ. Ф. 50. Ед. хр. 43. Большая часть рукописи публикуется впервые.